

ЛИСТИ М. КОСТОМАРОВА
ДО І. І. СРЕЗНЕВСЬКОГО

1

Милостивый государь, Измаил Иванович!

По заключенному между нами договору, имею честь препроводить к Вам 1 лист в корректуре Савы Чалого. Надеюсь, что Вы так будете добры не откажетесь просмотреть его и отметить места, которые Вам покажутся достойными перемены.

С глубочайшим почт. имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою *Николай Костомаров*.

2

Милостивый государь, Измаил Иванович!

Имею честь препроводить к Вам другой корректурный лист Савы Чалого. Теперь, кажется, правописание не будет сбивчиво, потому что я всеми силами старался подвести его хоть под какие-нибудь правила. Покорнейше Вас благодарю за ваши замечания на 1 лист! Я ими воспользовался.

С глубочайшим уважением имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга *Николай Костомаров*.

3

Милостивый государь, Измаил Иванович!

Честь имею препроводить к Вам третий лист Савы Чалого. Завтра будет четвертый и даже, может быть, и пятый, потому что они его кончают. Для другого Савы Чалого я думаю не к чему давать корректуры, потому что через несколько дней мой Сава сам к нему пожалует на ралець. Я совершенно изменил пятое действие, дитяти не быют, а весь акт идет наравне буквально с песнею.

С достодолжным уважением имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга *Иеремия Галка*.

Милостивый государь, Измаил Иванович!

Если Вам не нужно — благоволите прислать третий корректурный лист, сегодня я хочу прочесть его еще Тихоновичу.

С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга *Иеремия Галка*.

Как Вам кажется правильнее писать: „збирає козаки свої“ или „збирає козаків своїх. Любить діти, или любить дітей“. — В песнях кажется больше „діти, козаки, также напр. „усіх людей до купи злучає, луччих із їх одбирає“ или „усі люди до купи злучає, луччих з тих одбирає“ и пр.

24. VI. 38

Милостивый государь, Измаил Иванович!

А. Метлинский и Рославский, а также и я желаем собраться на литературное сборище, — уведомите, сделайте одолжение, в какое время Вам можно и где Вы назначите; если б Вы пожаловали к А. Метлинскому сегодня, а не то мы все к Вам отправимся. . . . Павл. Барынды кости потряслись было во земле — но верно труба архангела еще для них не звучала — опять улеглись! Насчет его надобно бы нам поговорить основательно и решительно, — да и медлить нечего — переписывать его и в цензуру, мы медлим, *sed fugit interea fugit irreparabile tempus!*

Имею честь препроводить 1 лист моих Баллад.

С искреннем уважением и глубочайшею преданностию имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорный слуга *Николай Костомаров*.

1838 г. Июнь 28

Милостивый государь, Измаил Иванович!

Наконец — препровождаю к Вам последний корректурный лист Савы Чалого. Я пощадил дитя Савы; убить его — была бы ошибка и против исторического материала, потому что в песни его не б'ют, и против театрального примечания, — потому что эта сцена покажется уродливым и насильственным желанием произвести эффект. Я вспомнил, как неприятно мне самому было читать такие выскочки в новых французских драмах, еще более в романах. — *finis coronat opus!*

Покорнейше прошу, как на этот раз быть как можно строгим и немилосердным к моему Саве.

С глубочайшим уважением и совершен. преданностью имею честь быть, милостивый государь, Ваш готовый к услугам *Иеремия Галка*.

1838 года. Октября 12 - го

7

Милостивый государь, Измаил Иванович!

Посылаю Вам казки. Душевно желаю Вам разобрать их. За слог не погневайтесь: писал со слов простолюдинов. Что касается до песней, то я как посмотрел, так и посылать нечего. Собрание песней малороссийских никогда не было любимым для меня предметом: если какие я и собирал, так это для Амвросия Лук'яновича. Какие остались в памяти от младенческих времен — те с большим удовольствием продиктую.

С искренним моим уважением и глубочайшею преданностью имею честь быть

Милостивый государь
Ваш покорнейший слуга

Н. Костомаров

Генв. 5. 1839.

8

Ласковий пане, Ізмаїл Іванович!

Відсилаю до Вас із сим хлопцем шпанські книжки: господь святый з їми! Колиб біг дав із тими мовами справиться, які почав, не те щоб за нові браться. Будьте ласкові пришліть мені *Histoire Romaine par Michele*, коли можно: справді читати нічого, а коли вже що читати, так треба таке щоби із нього користь яка була — щоб не дурно урем'я занепащати. А я сьогодні що робив: переклав на нашу мову Жуковського „Светланы“ з половину.

З щирим шануванням маю честь zostаватися, Вам, пріязний до Вас *Іеремія Галка*.

Февр. 1. 1839.

9

Милостивый государь, Измаил Иванович!

Посылаю к Вам шаль и экземпляр Савы Чалого для г - на Анастасевича. Александр Петрович¹⁾ позабыл попросить Вас пред

¹⁾ Рославський - Петровський.

выходом Марусю Квитки и просит сегодня благоволить прислать ее с Хомкою. Посылаю Вам две песни про Дону.

1) Дунай таночку водив } 2
Веде, веде, тай стане,
На дівочок погляне,
Чи всі, дівки у танку —
Дони — рожі немає;
Мати Дону чесала
А, чешучи, навчала:
„Донько моя роженко,
„Не становись край Дунаю:
„Дунай зведе із ума,
„За рученьку іздавне,
„Золот перстень іздійме.

Ой Доно, моя Доно,
Не піду за пана,
Хіба за такого,
Гарного молодого,
Як я сама.
Ой Доно, моя Доно,
Рожа моя червоная!
Ой посіяла рожу
Ой лелю — ладо рожу!
Ой жона мужа продала
Та взяла за мужа сто рублів,
Та купила сто конів
Виорала сто ланів,
Та посіяла житочко
Парубкам на диво пиво }
Дівочкам на пиво диво }
Ой лелю ладо }
Доно моя Доно }
Рожа моя червоная. }
Поют в хороводе
и 1) стар. сначала
говорит парубки,
а девушки свое сна-
чала.

Это веснянка. Их поют в танку на святой неделе,—к нему припевая иногда, как часто бывает при веснянках, ой лелю ладо.

С искренним моим уважением и глубочайшею преданностью имею честь быть, милостивый государь

Ваш готовый к услугам

Н. Костомаров

Генв. 8. 1839.

10

Ласкавий пане, Ізмаїл Іванович!

Відправляю до Вас книжки, як ми учора змовились, а Ви будьте ласкаві, їх з листом і пришліте, а я після обіда одвезу на пошту. Відсилаю до Вас і Нібура.

З щирим шануванням маю честь zostатися приятний до Вас
Іеремія Галка.

1839. Лютий 16
Харк.

Ласковий пане

Відсилаю Вам книжки й платок. Я тільки залишить у себе хотів грамоту, але й ту не посмів, бо Ви приказуєте усе що призначється до словенщини, — бо Ви вже гадаєте утратити від нас. Ні почекайте, ще побачимось; а мабуть достанеться їхати вкупі, до Львова.

Бувайте здорові

Ваш Галка

Р. S. Посилаю Вам Чалого 6 книжок: коли поїдете по Україні може донебудь роздаруєте добрим людям.

Содержание Савы Чалого. Писана прозою на малоросійском языкѣ, в пяти действиях. Действие первое. В 1639 году летом разбежавшиеся после казни гетьмана Остряницы козаки пируют на открытом месте недалеко от Днепра. Их угощает старый полковник или какой то старшина Петро Чалый, который заманил их к себе на пирушку с тем, чтобы они выбрали его гетьманом. После взаимных жалоб на тогдашнее положение Украины между казаками, Петро рассказывает им про поход под Синоп при Сагайдашном и сравнивает прежнее положение с настоящим. Козаки вспоминают тоже про разные подвиги своих начальников и останавливаются на Острянице. Вспоминая его подвиги и смерть, они заключают разговор об нем песнею, сочиненною на его кончину, потом пьют за упокой души его. Разговор обращается на Саву сына Петра, отчего он печален? Сава упрекает их в бездействии. Потом Петро как старый и опытный муж исследывает причины и способ, какими бы можно было поправить дела, считает необходимым избрать гетьмана: все согласны, остается только решить кого? Голоса склоняются на сторону Чалого, но вдруг один из сидящих указывает на Саву сына Петра и предлагает его в гетьманы. Это Игнатий Голый, друг и товарищ Савы. Козаки не соглашаются иные под предлогом, что молод, другие что не можно сыну перебивать отца. Наконец Петро сам говорит против Савы и предлагает с своей стороны Павла Булюка. Сава и Игнатий уходят. Козаки избрали гетьманом Петра и ведут его с торжеством в Терехтемиров для утверждения его достоинств на Раде. Сцена переменяется. Сава с Игнатом идут по дороге. Игнат заговаривает к Саве, ища расшевелить его скрытую досаду, Сава сначала отвечает ему обиняками, потом спрашивает его совета. Игнатий предлагает ему средство искать помощи у ляхов, чтобы они избрали его гетьманом. Сава отвергает предложение, но тронутый ироническою речью Игната, рассказывает как с ним поступал Остряница, как он давно хотел гетьмановать и сам отец его обещался

помочь ему и потом говорит вот как делается в свете. Я то что ж буду делать? Вот что, отвечает Игнатий, и подает ему письмо пана Конецпольского, коронного польского гетьмана с льстивыми предложениями. Он читать боится, наконец в нерешимости идет в Терехтемиров.

Сцена опять переменяется. Рада на площади избрание гетьмана. Козаки соглашаются избрать Петра выступает опять Игнат с предложениями о Саве, но его отвергают. Петро Гетьман. Над Савой смеются. Сава оскорбленный готов на все, козаки собираются в поход, площадь пуста. Игнат приводит польского офицера: Сава дает обещание ехать к пану и быть верным слугою ляхов...

12

Ласковий і коханий пане, Ізмаїл Іванович!

Чи живі ще, чи здорові, чи на Україні, чи може на чужині. Гей гей, гей! Занесла мене лиха година у Московщину: хоч і рідна сторона, та все щось серце на захід сонця рветься. Моя люба Україна! Розлучивсь я з тобою, сам не знаю з чого напустив на себе ману та тепер і справді тяжко. Ось бачите пане: поїхав я, тижнів на два, додому та прийшлося жити місяців зо два. Став, дурний, лічиться та нагнав на себе справді болість, змордовав, зсушив, зв'ялив себе ні-з-чого — тепер треба вже вичунюватися від дурниці, бо я як почав тут себе морити та кутаться та у горячій воді сидіти та застудився, а тут один (бідний?) лікар та піддав мені такого доброго, що ще хуже стало після й справді захворів уже. Тепер лічусь уже од поганої ліні того, чого в мене й не бувало. Оттака, бач, біда був здоровий, і був би бозна покиди здоровий — так щож? Хворіть захотілось. Тепер я ще ніяк немоготу дійти в Харків і треба мні бути аж може до місяця сентября, а мні пильно хочеться з Вами побалакати, так я отсе й давай листи до Вас писати.

Я на тім стою, що, коли можна їдемо аж до Львова умісті — далебі, пане, я казав об цім своєї матері, а вона мені відказалась, що роби як знаєш, і що вона мні нічим запрету не дасть, тому я тепер їду і таки скоріше вас хочу спитати, коли ви поїдете, щоб була часом та ви не вдрали.

Либонь Ви вже досте роздивились на мою, краледворську рукопись — а жалко що тоді ми її не прочитали, як треба, та я не взяв її, бо я б, знаєте, тут сидючи мов у темниці її б переробив, яку знав, та тоді і в друкарню. Ось як! От би гарно було. Одначе я не був без діла: писав дальш свою Переяславську ніч і тільки дві сцени зосталось, щоб зусім (sic) закончити її. А тут іще я почав писати нове: случилось мні взяти в руки життя святих та божих тай начитав я там життя св. преп. мучениці

Февронії; вона мні так сподобалась, що я почав писати із неї драму, та вже по-руськи. О коли б то на мене та зійшла така благодать божа, щоб я міг усе те добре виконати, що мні хочеться. Я вже написав два акти: діло йде при імператорі Діоклітіяні, у ту злющу годину коли христіян били й катували. Головна мисль мого компоновання святее кохання дівиці злите з коханням до бога. Казка про Февронію мене так порушила, що я забув про Переяславську ніч і все — а не те так я може до вас прислав Переяславську ніч щоб Ви (як звернуся), мені усе б і сказали. Скажіте пану Могилі¹⁾, що Галка йому послала свій поклон і добру річ. Либонь у його багато пісень українських, ну, тай я дещо привезу — та попросіте у його вибачення, бо вже я знаю, що як він прочита отсей лист, так зараз і закепкує: на те він козак, і батько його козак, і діди його козаки і весь рід його козацький, український, а я бідний Неофіт перекрещенець, перевертень, і тим тільки мені можно простити, що хоч може я, й не вмію горазд зовсім переродиться, таке кохання у мене щире і серце за Україну б'ється більш ніж у якого справжнього южноруса. — Критику на мого Саву у „Отечествен. Зап.“ я читав жалкую тільки що не лучилось добути Биб. для чтен. і Сын. Отчес. — А коханому панові Александру Петровичу скажите, що його грецький лексикон аж роздувся з жару, лихо йому сучому в руки ніразу не брав як забравсь собі в холодок між старі книжки так і не виходив, за тим то граматику забув.

Мені хочеться побачить Александра Петровича: як я на його тільки подивлюсь, там так до гречеської мови сам не знаю звідкіль охота бере. Пана Тихоновича коли побачите подякуйте за Шекспіра: я його всього прочитав і дуже мені гарно, було читати його. Лучче всього мені сподобавсь Ричард III. Поклонітесь од мене панові Семену коли побачите.

До зобачення пане ласковий. — Зостаюсь навіки з щирим поваженням і вірною любов'ю. Ваш приязний

Ієремія Галка

Московщина: С. Юрасівка. Авг. — 8. 1839

13 30 ноября 1840

Благословляю случай, доставляющий и мне через горы и тени пролепетать к Вам два три слова. Вчера с Амвросием Лукьяновичем был я у Вашей маменьки, читал ваши письма с берегов Эльбы и Молдавы и окончивши, припоминал себе те вечера, когда бывало в дружеской непринужденной беседе мы изливали друг другу свои мысли и чувства. Дай бог чтоб они снова возвратились еще очаровательнее и прекраснее. Дай бог услышать от Вас изустно то, что с таким наслаждением читал я в Ваших письмах!

¹⁾ А. Метлинському

Я недавно приехал в Харьков из дому, где получил Ваше письмо, пересланное мне из Харькова. Тепер погружаюсь в недра истории, впрочем не оставляя прежних занятий, потому что и теперь дожидаюсь корректуры первого листа Вітки. Через месяц я пошлю к Вам ее, куда напишете и буду иметь снова случай поговорить с Вами поболее. У нас вышла (или лучше сказать выходит, ибо билет еще не получен) опера Купала на Ивана, изданная с ужасными опечатками; что касается до внутренности ее, то она имеет все достоинства в народном языке. Драматизма в ней нет ни на полушку. Прощайте Ваш предан. Костомаров.

Амвросій Лукьянович приносит мне письмо для отправления. С стесненным сердцем пишу к Вам эти строки,—именно потому с стесненным, что не получивши из цензуры билета на мои стихотворения, должен ограничиться посылкою к Вам 1/8 полулиста бумаги, не испещренной между Селевкидами и Арзадами. Вчера я промотал часть вечера на чтение нового произведения южнорусской литературы: Кобзарь г. Шевченка. Это книжечка в 12 долю листа, разделенная на несколько эпических и лирических, или, лучше эпико-лирических пизсок, которые все показывают, что сочинитель обладает талантом, вкусом, языком и беден одним стихом. Несмотря, однако на некоторые тяжеловатости, надобно отдать ему честь в том, что он по возможности избегает многословия, которое было до сих пор уделом всех співак українського. Жалко только, что правописание его с ерыканьем. Между тем заготавливается у нас в Харькове огромный малороссийский Альманах изд. Корсуном (о нем пишет А. Л.) Если говорить правду, то за исключением стихотворений г. Петренка и Писаревского (сына того священника) все прочие (о своих я судить не буду) носят на себе отпечаток, если не совершенной бесталанности, то совершенного безвкусыя. Правда, исключу из этого соч. самого издателя, но они очень слабы по изобретению. Старание прикидываться мужиком портит нашу бедную литературу. До того, еще большая часть писателей этой новой школы, выгнанные семинаристы—это может служить рекомендацією за их литературный вкус.

Харьков. Ноябрь. 6. 1843.

Милостивый Государь, Измаил Иванович!

Посылаю Вам Географию и благодарю за нее. Прошу Вас не отказать мне прислать:

1. Ruske wesile.
2. Lud polski Gołębiowskiego исключая gry i zabawki, которые я получил из библиотеки Амвросия Лукьяновича.
3. obrazy Войццкого.

Диссертация моя идет вперед, и мне хочется обработать символику как можно лучше. Чем далее углубляюсь я в этот предмет, тем более и более открываю интересного. Много такого, что до сих пор считал я темным становится для меня ясным. Дохристианский славянский мир как на голос вербовой сопилки подымает из великой могилы свою почтенную голову. Помогите, ради любви к Словянщине рассеять густой туман, що розлягається по очаровательной долине, усеянной цветами родной поэзии. Да будет благословенна та минута, когда во мне блеснула счастливая мысль избрать темою, для диссертации этот предмет.

Я услышал сейчас только, что в Харьков воротился один мой знакомый, обещавши привезти мне песен из Лубен. Может быть...¹⁾ он исполнил свое слово, я буду иметь еще несколько новых материалов для построения предпринятого здания. Теперь каждая ничтожная песенка для меня имеет большую цену: иногда один стих наводит на важный вопрос.

С чувством искреннего уважен. остаюсь преданный Вам

Н. Костомаров

Сегодня лекции прекратились по причине грязи до заморозов.

Посылаю Вам долг мой за Zarysy.

Передайте мой поклон Вашей маменьке.

Ровно. Май 3. 1843.

Коханому, любезному, шановному пану Ізмаїлу Івановичу од старого козака українського з далекої Волині на рідну Україну, поклон і слово шире.

Дуже винен я перед тобою, ласкавий мій пане добродію, що коли ще одібрав лист твій, а досі не писав. Дякую тобі за послану твою азбуку, та вона ж мене і підвела грати умовчанки. Хотів був же поїхати у Дермань, щоб розібрати ту книжку, та досі не поїхав зати́м що гуляв усе по другій стороні у Почаєві, Кременці, та Берестечку, усе для свого Хмельницького і вивіз таки правду сказати мало чого путнього, тільки на міста поглядив, одначе усе і те добре. Єсть тут якийсь Родзимижський і хоче друкувати історію Козаччини, не свою, а батька свого, а той батько та каже син, що літ п'ятнадцять уже збирав матеріали і написав буцім настоящиме диво, тільки шкода що у тому дивові та ще дивніше, що Хмельницький прийняв магометанську віру.

Будь здоровий з оженінням, бо я ще тебе й не поздоровляв: дай боже тобі усякого щастя на цілий вік і *wszystkiej pomyslnosci* і *długiej pieśczoły* і наreszcie dwanaście dzieci, bo już to panu wiadomo że zawsze będzie dwanaście — nie mniej, nie więcej jak dwanaście.

¹⁾ Одне слово в оригіналі нерозібране.

Taki dwanascie, że ja spodziewam się dwanasciego czerwca
widzieć się z panom dobrodzieem. ty lko chowaj Boże ze by mnie
nie pryszło znowu mieszkać na Wołyniu jeszcze dwanscie miesięcy
bo teraz nie bym tak nie żadał jax tylko obrac takie miejsce na swie-
cie w którem by nie zaszkodziło pżepedzać choę dwanascie lat.

До приятного свидания почтеннейший Измаил Иванович.

Н. Костомаров

14

Сл. Юрасовка. 12 июня 1843.

Измаил Иванович!

После четырехдневной, скучной дороги я наконец приехал
домой, дай бог чтоб не на скуку и хандру.

Слушайте, что я Вам буду говорить, только не браните за мало-
важность моих сведений: я ехал не один, да и притом по дороге.

В 19 верстах от Харькова, если ехать на деревню Непокры-
тое, стоит что то вроде тех фигур, которые, вы археологи, на-
зываете городищами. Это что-то состоит из двух полукругов
неровной величины соединенных небольшим валом, окружность
первого полукруга 88 шагов, в глубину 15-ть спуск в середину
крутой; вход с северной стороны.

Не доезжая великорусской слободы Ольховатки Волчанского
уезда в 10-ти верстах от нее, а в 90-х от Харькова стоит
другое что-то: оно состоит из неровных двух полукругов с
продолжениями от них ввиде неправильных холмистых валов;
входы узкие; в большем полукруге вход с севера, а в меньшем
с юго-запада; окружность большего 126 шагов, глубина 15-ть,
а меньшего окружность 48 в глуб. 12-ть спуск в большем очень
крут. От входа в главный полукруг продолжение вала к западу
извилистой холмистой линиею; от входа в меньший вал продол-
жается более прямою линиею к югу и оканчивается крючком.
(Тут иде малюнок А. Ш.).

Невдалеке от хутора Мерзлянова в волчанском уезде. (Так
само А. Ш.).

Слышал, но не видел; в ширину говорят 15 сажень.

Близь хутора Быкова, Бирючинского уезда, в 8-ми верстах
от Бирюча, невдалеке от реки Сосны есть что-то, в окружно-
сти 104 м. в глуб. 18-ть с прилежащими валовыми полосами:
(Так само А. Ш.).

По дороге из Бирюча в слободу б. Шереметьева Алексеевку,
находится три что-то, первое что-то имеет следующий вид.
(Далі малюнок А. Ш.).

Все фигуры, которые встречал я по берегам Сосны, отменны
от тех, какие видел в Харьковской губернии; во-первых пото-
му что ограничиваются полукруглыми валами, срывающимися

впадину, во-вторых что впадины имеют входы покатые, так что полукружие приближается к кругам.

За быковским что-то лежит огромный вал; ввиде курганов он идет от реки Сосны на юг и потом заворачивается на юго-запад. Этот вал не есть ли тот, который рыли козаки в царств. Феодора Алексеев., служивший защитой от татарских набегов. Что касается до рассказов, сколько ни старался узнать что думает народ и как и чем считает он все что-то, но никак того не успел, потому что мне все отвечали: бог його зна, що воно таке есть.

Наконец, скажу я Вам, что послезавтра я еду в Дивногоры осматривать развалины какой то пагоды, кто его знает чего, и по осмотре напишу к Вам; оттуда поеду в Белогорье.

Кланяйтесь всем, кого увидите из наших общих знакомых. Почтеннейшей маменьке Вашей прошу передать глубочайшее мое уважение.

До другого письма — прощайте. Дай бог, чтоб Ваш сон был — также несбыточен, как моя попытка в одной малороссийской хате списать хоть одну песню.

Вам преданный навсегда

Н. Костомаров

15

Село Юрасовка. Июня 20. 1844.

Будьте здоровы, Измаил Иванович, и да хранит Вас господь в вожделенном здравии. По договору следует писать, а о чем писать? Я в деревне, в глуши: никаких политических новостей нет, ни литературных. Далеко от мира божьего, в тихом уединении веду меналковскую жизнь, правда, что нет никакой Амарины, и только через этот недостаток я и не Меналк. Да, скоро кажется, надобно будет расстаться с идиллическим бытом, и кто знает, если не навсегда. Я теперь занят продажей своего имения и думаю переехать с маменькою в Харьков, чтобы там основать свое жительство. Остановка в том, что старый миллионер помещик, желающий присоединить наш клочок пахотной и сенокосной, земли к своим огромным полосам, скупится и хочет ее выжить, у меня за 40 тысяч, а я не отдаю дешевле 45-ти, предполагая иметь 2000 доходу из процентов в Опеке. Совете, кажется он даст. Теперь бы я желал получить место в библиотеке: тогда бы я жил хорошо, тысяча руб. жалования, да 2000 проценту, чего желать? Если б только так сделалось! Решительно мне кислы всякие честолюбивые замыслы, и бедная жизнь моя потечет как нельзя лучше, если только я буду иметь возможность спокойно рыться в книгах, писать и курить порядочные сигары.

Прощайте. Если Шишкину придет утверждение, уведомите меня сейчас же; я прибегу в Харьков.

По приезде домой я начал трудиться над Карамзинным и перелбрал половину первого тома, но покупные сделки решительно отвлекли меня; я все езуу взад и вперед.

Еще раз прощайте. Маменьке Вашей мое почтение. Вам предан.

Н. Костомаров

Поклонитесь римской голове и Сементовскому, последнему скажите, что как начнется покос, то я употреблю это золотое время на собиране свадебных песен для него. Сделайте милость уведомите, как Шишкин получит утверждение. Это заставит меня решиться на продажу.

16

Киев. Окт. 23. 1844.

Измаилу Ивановичу, Амвросию Лукьяновичу, Поликарпу Васильевичу и Константину Максимовичу глубочайший поклон и сердечное желание счастья.

Я думаю, господа, что Вы полагали получить от меня первое известие из моей родины, но получаете из богоспасаемого Киева. Причины этому во-первых та, что мне долго не выдавали третьего жалования, а во-вторых я был сам в раздумьи, ибо мне предстояла здесь возможность втереться в Университет, но только доцентом. Я рассудил наконец, что можно утерять учительское место и не получить здесь, а если получить, то без денег: что за выгода? Завтра уезжаю в Ровно.

14 числа я имел несчастье проводить к могиле Лунина. Здесь мир его праху; не знаю, будет ли в Харькове мир с его кафедрой, как бы то ни было, я хочу сделаться напропалую смелым и просить Харьк. Унив. препоручить мне чтение истории в качестве ад'юнкта. Посылаю разом прошение в Совет и письмо к Ректору, а Измаила Ивановича и Амвросия Лукьяновича прошу принять в моем деле участие, какое укажет им всегдашнее ко мне расположение. Хотя я далеко не стою покойного профессора, однако едва ли найдется на его место в Харьков такой, чтоб его стоил. Если Харьковский Университет мне откажет, то обращусь к Киевскому, буду биться до последней капли крови и скорее паду в этой битве, чем решусь кинуть в волинском имении. Лучше вовсе не брать книги в руки, чем называться ученым и сидеть в уездном городе без дела. Разве я для того занимался, чтобы после ограничиться Кайдановым? Здешний Управляющий Округом с удивлением спрашивал меня, что это значит, что я прошусь в Гимназию и думал, что в Харькове

столько магистров, что их девать некуда. Это меня досадует; — или в Университет или чорт — знает что с собой сделаю. Лучше б я не давал в магистры, по крайней мере не смотрели бы на меня, как на чучело на какое то, как на исключение из общего порядка.

Здесь печатаются памятники древностей заднепровского края. В первом томе (их предположено три) будут помещены дела братств, образовавшихся между православными в эпоху унии. Я видал только дела Луцкого братства. Оно издается словесно церковным шрифтом с русским переводом. Не понимаю для чего и то и другое. Во втором томе будут помещены дела, касающиеся до войны козацкой, в числе коих много писем Хмельницкого. Слава богу, что я не издавал Хмельн., потому что здесь я приобрел уже Грондского, Коховского и одну неизвестную никому летопись и повезу все это в Ровно. В третьем томе будут акты юридические.

Познакомился я с Кулешом и нашел в нем человека образованного, даровитого и глубокознающего Украину. Он предполагает издать здесь повременное издание, которого бы цель была по преимуществу Русь Южная. Материалы и средства у него есть, потому что богатый помещик Тарновский ассигновал для этого большую сумму; остановка за сотрудниками. Он предложил мне написать Вам, Измаил Иванович и Амвросий Лукьянович, не захотите ли взять редакцию на себя, а он только был бы учасником, или же если б Измаил Иванович или Амвросий Лукьянович взялся издавать с ним пополам так что издание бы печаталось в Харкове и Киеве. Я помещаю туда Хмельницкого, обработавши его и обогативши местными замечаниями. Польский литератор Грабовский с которым я здесь познакомился, записывается решительным соучасником этого издания. У самого Кулеша есть много таких богатых материалов, что мне и во сне не снилось.

Максимович поручил передать Измаилу Ивановичу поклон и между прочим узнавши, что у нас всех есть по запасу песень, предлагает присоединить свои 1500 и составить полный, по возможности, сборник, прося избрать его распорядителем, с означением имен всех сотрудников. Передаю предложение его без комментариев. Хорошо было бы, еслиб поместить в предполагаемое издание повести Квитки. Напишите мне, господа, согласится ли кто будет взять редакцию, и как; а если нет, то дадите ли статей? Но желательно было бы, если би от Вашего согласия вышел в свет сборник, издаваемый в двух городах Украины. Статьи, обсужденные большинством голосов, являлись бы в свет в лучшем виде, — одним словом, вышло бы доброе, хорошее дело.

Посещал я здешние древности и религиозные примечательности. Взгляд на Киев прояснил у меня понятие о древних городах

наших: я изумился, когда узнал и увидел, как мал был древний город, если только предположить, что ограда, видимая в памятниках, не означала центра города, и что за нею простирался еще город. По всему видно, что около Киева было множество сел и хуторов, и что из таких сел составлялось народонаселение Киевской земли. Где ж 400 церквей могли поместиться? Был я в Лавре, поклонился с особенным благоговением гробу летописца Нестора, влюбился в вековые стены Софійского Собора, где беспрерывно отскабливают замазанные штукатуркою XVII и XVIII веков альфрески времен Ярослава и сыновей его. Древняя мозаика показалась мне грубою, но между тем в ней есть какое то неразгаданное изящество, в котором сам себе не даешь отчета. Между драгоценностями Софии мне показали — что бы Вы думали? Кровь Спасителя, но не в таинстве, а в склянке и еще за стеклом. Со многими частицами мощей эта драгоценность хранится в сильном мраке на втором этаже. Говорят, что она появилась уже при Евгении. Впрочем чудес много бывает.

Благодарю Конст. Макс. за знакомство с братом: я в нем нашел прямодушного и благородного человека, которого нельзя не полюбить всею душою.

Прощайте, господа; до Ровна. Да будет с Вами мир и благодать божия, а себе я ничего так не желаю, как вырваться из Ровна в Харьков, в Киев. Прощайте.

Н. Костомаров

Р. S. Нет ничего подлее книжной торговли в Киеве. Наша хороша, а здесь ни к чорту не годится!

Сделайте милость, уведомите меня как можно скорее, как принято будет мое прошение, потому что, в случае отказа, я сделаю диверсию на Университет св. Владимира, хотя мне очень хочется перескочить в Харьков. Одним словом, если мне в Харькове не дадут ад'юнкта, так я в Киеве буду просить приват-доцента; — если же этого не получу буду в Киевс. Универс. держать в доктора, а уж сам сатана не удержит меня в Ровно. Слуга покорный кيسнуть в жидовской берлоге шесть лет.

Почтеннейший Измаил Иванович!

In primis так как мне стало известно и сведомо, что бог благословил Ваш супружеский союз дочерью, то прошу принять от меня самое искреннее поздравление, столь неллицемерное и задушевное какое Вы можете получить только от родных. Не знаю почему с некоторого времени звание отца мне представляется и благороднейшим и счастливейшим в человеческой жизни, и я

радуюсь, представляя себе Вас счастливым, радуюсь за Вас, уже и потому, что с Вами для меня связано воспоминание скудных в жизни минут отрадного существования, которых у меня чрезвычайно как мало наберется.

Я виноват перед Вами, дражайший Измаил Иванович, и сугубо каюсь: три месяца — ни слова! И чем себя извинить? Да просто ничем, виноват да и только. Слава богу, что Вы, занимаясь пословицами, знаете, что повинную голову меч не сечет, а потому уверен, что простите меня и не отнесете меня к тем ничтожным людям, которые с годами меняют связи и следовательно сердце и душу.

Что Вам сказать о себе? Еще в августе я переведен из волинского имения в Киев и помещен учителем истории в 1-ой гимназии, с намерением вручить мне преподавание русской истории в Университете. Это намерение добрых людей могло бы давно совершиться, если бы я, разбирая себя беспристрастно, не видел, что добрые люди видят во мне больше, нежели сколько я вижу. Я, впрочем, не считаю себя решительно неспособным к этому подвигу, но уверен, что прежде мне нужно приготвления, т. е. мне нужно заняться историею по источникам, получить самостоятельный взгляд, а тогда приступить к делу.

Не может быть ничего бестолковее, как мои занятия до сих пор. Я читал, списывал, думал (если только не грезил) об истории, но не изучал науки. 15 октября 1843 года, когда у Вас в доме я принял намерение писать историю Хмельницкого, было для меня эпохою. Тогда я занялся Хмельницким, занимался им в Ровно, а теперь уверился, что мне следовало давно так заниматься всею историею: и вот теперь я занимаюсь уделами и первоначальною историею Руси. Вместе с этим занятием я укрепляюсь в действительном знании и когда взойду на такую степень знания, с которой при строгой оценке самого себя, могу сказать, что готов сциентифически излагать науку, тогда и буду просить милости. Одним словом, если мне суждено быть преподавателем в Университете, то буду непременно хорошим, а иначе коли не коваль, то и клещей не погань.

Нет того дня, чтоб я не жалел, зачем я лишен — Вас; потому что углубляясь в русскую историю, вместе с тем, погружаюсь в лабиринт славянского мира и готов теперь защищать диссертацию о том, что русскую историю должно непременно излагать в связи и в параллели с историею других славянских народов, готов спорить даже и против Вас, если бы Вы были с этим не согласны, и намерен непременно поступить так ежели буду читать. Однако, к величайшему моему сожалению, я здесь не знаю никого, с кем бы мог говорить и советоваться, и библиотека университетская, хотя очень богатая источниками, бедна для того,

кто бы хотел изучать славянщину. Я решился во что бы то ни стало, выучиться по чешски и по сербски, и заниматься историей славянских народов. А потому не сочтите себе в труд дать мне ответ на следующие вопросы: 1) Где я могу почерпнуть сведения об Истории Сербов и Иллирийцев. 2) Что вы мне укажете для истории и древностей Вендов, которые меня особенно интересуют после Гельмолда. 3) Откуда бы я мог получить книги и куда послать деньги. Вы, надеюсь, не откажете мне в благом совете. Также, уведомите, что стоит история Палацкого. В универс. нашем этого ничего нет и не знают.— Впрочем, отправляют для изучения славянских наречий адъюнкта Страшкевича, читавшего здесь прежде латинский язык. Говорят об нем, как о хорошем филологе.

Как идет Ваша славянская мифология? Думаю, что она далеко шагнула. Занимаясь историей, я занимаюсь теперь и мифологиею и вижу, что все до сих пор сделанное есть ужаснейший сумбур. Едва ли он не произошел от того, что мифографы, приступая к делу, имели ввиду искать мифологических существ, а не идей, и потому с одной стороны появились боги из разных непонятных собственных имен, а с другой имена, о которых мы наверное знаем, что они означали божества, остаются для нас только именами. Вы, сколько я помню, берете за исходной пункт славянской мифологии поклонение солнцу. Конечно Белбог, Сварог, Дажьбог Световид наверное и сомнительно Хорс и Триглава и Зиргитра Гельмолда могут признаны быть за солнце, а к нему совпадут имена Лады, Купалы, Коляды, Живы; но по всему видно, что кроме поклонения солнцу был еще другой источник — мифическая история. У всех народов существует предание о ранней их цивилизации, у всех оно выражается каким нибудь колоссальным лицом, которое дало народу первые начала образованности, и всегда почти это лицо приходит из чужой земли. Известно, каких догадок наделала чета Перуанцев; у Вавилонян был Озирис; Заратустра пришел бог-весть откуда, у Скандинавов и Германцев — Один, у Литовцев Вельдепут, у нас — Дажьбог еже нарицается солнце — также египетского поколения. Век таких призраков окружен мифологическими лицами и чудными событиями и быть может, эта то сумрачная история народов, выражаемая каменными и деревянными изображениями воспоминаемая народом в праздниках и обрядах и была причиною того, что христианские писатели не разгадав ее, облекли все в форму многобожия. Гельмолд ясно говорит, что Венды признавали одного бога, высшее существо а потом исчисляет божества. Если б эти существа были, как думают, олицетворения сил природы, то едва ли бы истинный бог остался в понятии идолопоклонника без кумира и без символа, и столь бы живо и не смешанно представился священнику, в век когда о всяком идолопокл.

говорили с омерзением. И что такое Руневат и Пореват, если не родоначальники или мож. быть просветители Рунев и Поров (несколько город. так назв. показыв. что было название народ.)? В Сл. О П. И. говорится о Дажь - Божем внуке, и повидимому, разумеется здесь народ Русский, очеловеченный Дажь - Богом. Баян назыв. Велесовым внуком. — Сказки о Лехах и Чехах, Киях Щеках и пр. показывают, что у славян были идеи о родоначальниках и сказки о богатырях, делающих чудеса, поражающих змеев и чудовищ, ходящих на тот свет показывают, что было верование о чудесных подвигах, о лицах возвышенных перед другими. Наконец предания о превращениях и песни об них, связ. с обрядами дают нам право заключить, что поклонение рощам источникам имели причину историческую, а не созерцательную. Не вернее ли был бы такой путь к разысканиям. Собрать сходные события в песнях и сказках славянс. народов и все общее для них будет для нас первоначальной историей, в которой и заключается мифология.

Предположение издавать в Киеве нечто рушилось, потому что Кулеш уехал в Петербург, куда вызвал его Плетнев для участия в Современнике; впрочем, быть может, возьму это дело на себя и я.

После всего этого прощайте и меня не забывайте. В... Кост.

Вашей маменьке и супруге прошу. передать мое искреннее почтение.

18

Киев. Февр. 12. 1846.

Почтеннейший Измаил Иванович!

Будучи занят в продолжении 1^{1/2} мес. службою, я мало уделял времени на занятия русской историей, но когда наступило блаженное время масленицы и первой недели, я обратился к своему избранному предмету и вместе с тем почувствовал желание побеседовать с Вами. Так как я еще в Ноябре спрашивал Вас о книгах, а Вы некоторые предложили мне получить от Вас, то я теперь посылаю Вам 6 р. с. за Бартольда и Энгеля *Geschichte der Serbien und Dalmatien* да притом еще прошу покорнейше известить меня: нет ли у Вас чего нибудь двойного по части языкознания как то напр.: лексиконов и т. п. и если б были, то я очень был бы счастлив, пославши Вам деньги, потому что имею непреодолимое влечение заняться славянскими языками; и очень жалею что оно не пришло мне раньше, когда я жил в Харькове и мог иметь постоянное с Вами сношение. Надежды мои пробраться в Университет кажется должны приостановиться; по крайней мере я слышал уже замечание о себе, что Университет св. Владимира не

охотно допустит в число своих собратий из чужого универс. потому что здесь есть свои достойные люди. Впрочем я об этом и не тужу, и еслиб мне целый век пришлось преподав. в 1-й Гимназии, то все таки надеюсь принести хотя медный грош в казнокранилище науки, и следовательно не буду бесполезен для человечества.

Теперь занимает меня следующая мысль, которую представляю на Ваше усмотрение: так как во всех Университетах (исключая здешнего) преподаются славянские языки и литература, то, без сомнения, это делается для того, чтоб студенты, слушающие этот предмет, приобретали в нем познания, а распространение познаний Славянских—между студентами, без сомнения имеет целию распространение таких познаний в обществе, и развитие идеи сближения а пожалуй и соединения славян. Но в-первых, студенты, вступая в Университет ни мало не подготовлены к предмету, а во-вторых, славянская наука составляет достояние единственно университетов, да еще одного только 1-го Отделения, и все не учащиеся в 1-м Отделении, отчуждены от панславизма совершенно; из чего следует, что с одной стороны, для многих из Ваших слушателей Вы своим преподаванием строите замки на воде, а с другой, большая половина славянского народонаселения России не будет и подозревать в себе славянства, а иные образовывающиеся по Библ. для Чт. и Отечеств. Записк., начнут и стыдиться об этом думать, тем более, что даже в книгах предназначенных быть руководствами к преподаванию истории, вменяется императором Оттоном в заслугу для человечества то, что он не дал славянам образовывать независимого государства и поставил их в отношение зависимости к Германии. (Это преподается в славянской державе!!!) Что б отвратить такие неудобства, необходимо, на первый раз, ввести преподавание истории славян особенными классами в гимназиях. Как Вам кажется эта мысль, одобрите ли Вы ее, или найдете почему нибудь несовместною?

Глубочайший поклон Вашей маменьке и супруге.—Прощайте

Ваш *Н. Костомаров.*

Стар. гор. дом Клеменова улица Рейторская

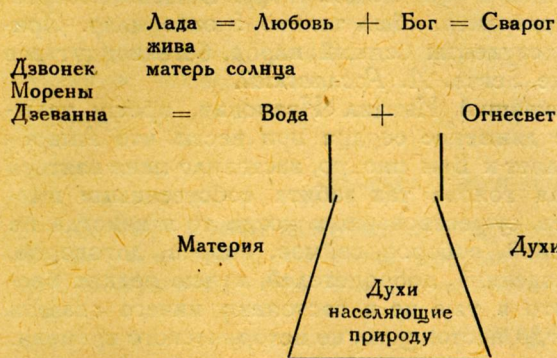
Киев. Октября 6. 1846 г.

Достопочтеннейший Измаил Иванович!

Отправляю Вам при этом желаемые Вами выписки из биографии св. Оттона Бамбергского, находящиеся в Аста sanctorum. За верность ручаюсь; кажется и четко. За переписку с Вас следует 6 злотых, но Вы мне этой безделицы теперь не присылайте, а может быть вздумаете получить еще какие нибудь

выписки: все сделано будет с акуратностию, скоростию и радушною готовностию Вам услужить и быть полезным.

Я слышал, что Вы уже защищали свою диссертацию: без сомнения удачно, а хотелось бы узнать какие-нибудь любопытные подробности. С нетерпением ожидать буду появления в свет Вашего сочинения. Я все время это занят тем же и составил себе следующее понятие о мифологии:

от него по Гельмолду истекают духи, как бы из крови его.

Свентовит, Родегост Сворожечь, Перун, Дажь-бог, Хорс, Триглав, Яровит, Ругевид, Поревит, Прове Лодо и Живый.

Проявление светоносного начала, возбуждающ. женственн. начало жидкости и выказыв. в борьбе с физическим Чернобогом зимн. холод. смертью природы.

- 1) Праздник Лада и Купалы (бракосоч. света воды).
- 2) Праздник Жывы.
- 3) Праздник Коляды.

вочеловечение светоносн. начал и борьба с Чернобогом на земле в мире человеческом.

↓
Поражение Чернобога и Моржаны.

Сходится ли это построение с Вашим? сделайте милость, пришлите мне мою тетрадь обрядных песен, оставленную у Вас, во время моего проезда через Харьков: она мне очень нужна.

Желая Вам маменьке Вашей и супруге Вашей со чадом всякого благополучия, препоручаю себя Вашему благорасположению.

Вам преданный *Н. Костомаров*

Поклон Амвросию Лукьяновичу, к которому я скоро напишу.

19¹⁾

Харьков. Ноября 3. 1846.

И я почтеннейшей Измаил Иванович! радуюсь случаю сказать Вам несколько слов от себя в удостоверение, что я уважаю и люблю Вас не менее других, которые Вас любят и

¹⁾ Спільний лист Костомарова і Рославського-Петровського до Срезневського, доданий до листа А. Метлинського.

уважают. Да кстати при этом недавно Головкин вспоминал о Вас по случаю возвращения Свиридова и сказал: у меня есть еще один очень карош за границую. Я попрежнему продолжаю борьбу с статистикою. Иногда радуюсь попавши на какую-нибудь новую мысль, а чаще досадою на несоразмерность между теперешним состоянием статистики и тем, чем она могла бы быть при большей полноте и исправности источника. К лету хочу издать теорию статистики и стат. англ. и фр. Вашей диссертации, несмотря на все старания, сбыл только 5 экземпляр. Причиной тому, что наши студенты бедный народ, богачи идут все в Юридич. факульт. где легче. А. Рославский.

И от меня, почтеннейший Измаил Иванович, прошу услышать слово. Невольное движение сердца при вести, что Амвросий Лукьянович отправляет к Вам письмо, заставило меня взяться за перо, но моя бедная голова так забита собственными именами царей, полководцев, существовавших когда то и никогда не существовавших, сражений, соборов, сеймов, споров, договоров, хитростей, коварств, злодеяний, добродетелей, кучею редких беспримерных подвигов, что я уже не в состоянии ничего сказать такого, чтобы касалось до настоящего, не исторического времени. Правда, скажу, только то, что я подал на прошлой неделе в среду прошение и с часа на час дожидаюсь герольда, который позовет меня перед нелицеприятное судилище, которое мне иногда представляется то инквизициею то сенатом римским. У страха глаза велики, а есть чего бояться, если иногда заставить поехать в мир доисторической истины.

Прощайте, Измаил Иванович, желаю Вам успеха в ваших делах и Вы наверное желаете мне в моих.

Вам преданный *Николай Костомаров*

20

Киев. Ф. 10. 1846

Почтеннейший Измаил Иванович!

Необходимость заняться службою отвлекла меня на месяц от моих занятий русскою Историю и тем самым от Вас, но коль скоро наступает масленица, а вслед за нею свободная от уроков 1-ая неделя, я опять перехожу от Людовигов и Карлов ко всевозможнейшим словам, и вспоминая, что мог иметь от Вас несколько книжек, необходимых для меня, посылаю Вам, по назначенной Вами цене в письме за Энгеля *Gesch. der Serbien und Dalmat.* и за Бартольда, которые с нетерпением жду. Жалею чрезвычайно, что не могу иметь Палацкого и не найду его никак в каталогах. Если бы, паче чаяния, у Вас нашлись бы какие нибудь словари и грамматики славянск. наречий

вдвойне, то вы бы сделали мне величайшее одолжение, когда бы написали и я бы немедленно прислал за ними кредитные билеты. До сих пор не могу понять, почему живши столько времени в Харькове в таких дружеских отношениях к Вам, я не попал на желание выучиться славянским наречиям, или на худой конец — хоть бы заняться славянскою историею, между тем, когда в Киеве я получил к этому непреодолимое влечение, которое к несчастью, очень задерживает и временем и недостатком пособий до крайности. Мне теперь живо кажется, что на идее будущего соединения славян, в которое верую, опирается будущее развитие человечества.

21

Измаил Иванович!

Д. Евф. Кожанчиков, желает купить Сказание о Борисе и Глебе; и не знает где взять, поэтому я поручаю ему обратиться к Вам. Конечно издание это предназначено для публики.

Глубокоуважающий Вас

Н. Костомаров

Мая 7. 1860. СПб

22

Измаил Иванович!

Сколько помнится я дал Вам два экземпляра первого выпуска, а потому посылаю и второго также два. Цензор Дубровский, просматривая для Р. Слова мою речь, перечеркнул все, что говорено было о двух русских народностях новой и старой; заведующий редакцией отдал на разрешение Делянову: неизвестно что будет далее.

Вам предан.

Н. Костомаров

Февр. 26.

23

Измаил Иванович. Позвольте мне представить Вам, моего знакомого и доброго приятеля Александра Александровича Котляревского. Почтите его благосклонным вниманием Вашим. Он желает держать в здешнем университете экзамен и может располагать, по своим служебным отношениям, небольшим запасом времени. Вам преданный душевно

Н. Костомаров

Апр. 18. 1861. СПб

Измаил Иванович, напишите и пришлите пожалуйста с подателем моего письма извещение синдикату, что со стороны факультета нет препятствий к отпуску моему за границу на вакационное летнее время и на 28 дней сверх оногo.

Ваш *Н. Костомаров*

Мая 3

Измаил Иванович! Говорский поручил мне покорнейше просить Вас пожаловать к нему завтра вечером, ради совещания о предполагаемом издании журнала, посвященного разработке истории и этнографии западной и южной Руси; он говорит, что уже объяснялся с Вами, и Вы оказали сочувствие к этому предположению.

Вам преданный душевно *Н. Костомаров*

Адрес его:

На углу Фонарного переулкa и Офицерской улицы д. Кирева № 8 (с другой стороны угла 14) — кварт. № 21. вход по фонарному первый подъезд.

Мая 3

Многоуважаемый Измаил Иванович.

Завтра вечером будьте добры пожалуйста: я Вам прочту диссертацию. И Конст. Николаевич зван.

Ваш *Н. Костомаров*

Четверг

Многоуважаемый Измаил Иванович. Я жду Вас с нетерпением. Афанасий Федорович Бычков у меня. Пожалуйста.

Ваш *Н. Костомаров*

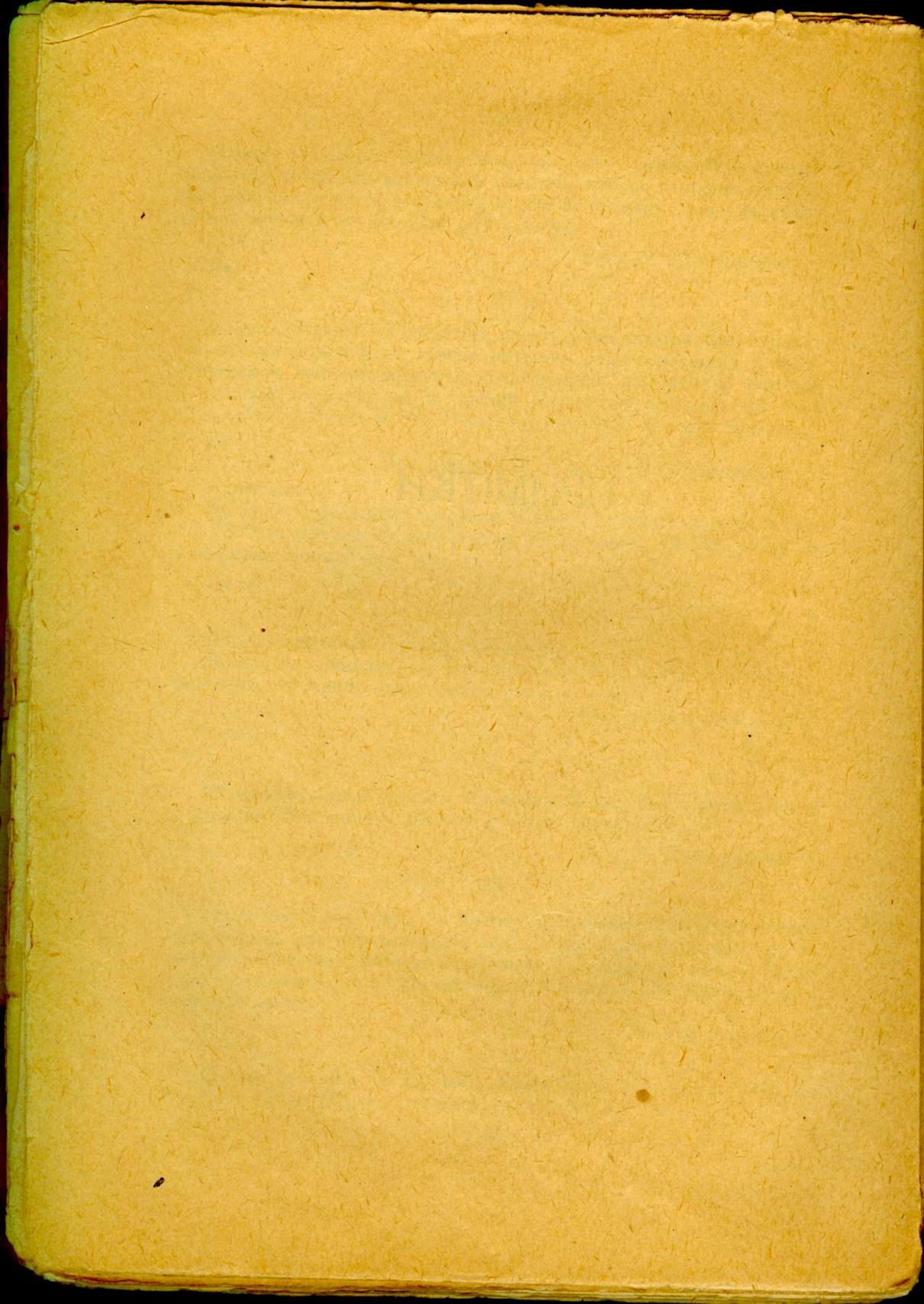
Имею честь сообщить г. Декану Историко-Филологического факультета, что в следующем 186¹/₂ году я предполагаю читать историю Московской Руси от Иоанна Грозного до Петра Великого и паралельно с нею историю Южной и Западной Руси в том же периоде.

Н. Костомаров

Янв. 3. 1861

Желаю оставить те же часы, какие были в прошлом году во вторник 12 до 1¹/₂ и в пятницу от 1¹/₂ до 3.

ПРИМІТКИ

Літературна спадщина М. Костомарова припадає на перші роки його діяльності, головним чином, за час перебування в Харкові. Тут написано переважну частину українських його віршів, що вийшли двома збірками — „Українські Баледи“ 1839-го року, „Вітка“ 1840-го року. Окремою брошурою вийшла драма „Сава Чалий“ 1838-го року і „Переяславська Ніч“, видрукована в альманасі „Сніп“ за 1841-й рік. Пізніше з'являлися окремі його поезії і твори в „Основі“ за 1862-й рік і, власне кажучи, крім окремих віршків, що появилися пізніше, Костомаров в 70-х роках українською мовою майже не виступав, 1875-го року вийшла збірка творів Костомарова (Ієремії Галки), де зібрано було його поетична спадщина українською мовою. В 1906 році у виданні т-ва „Просвіта“ вийшла збірка українських творів за редакцією Ю. Романчука, повніша від попередньої, бо до неї увійшли твори Костомарова, неопубліковані в час видання збірки 1875-го року. Крім українських творів, Костомаров написав уже пізніше цілий ряд історичних повістей, драм, більше всього на українські теми, як „Черниговка“, „Сын“, і т. д. Твори ці, де більше виявляється Костомаров не письменник, а історик, в наше видання увійти не можуть. До нього даємо всю відому спадщину українською мовою Костомарова чи швидше Ієремії Галки, як представника Харківського періоду романтизму, попередника Шевченка, нарешті поета, що в багатьох мотивах і темах попередив свого співника по Кирило-Методіївському братству. Розполог матеріялу заховується за першими збірками Ієремії Галки — першими підуть вірші, що увійшли до збірника „Українські Баледи“, потім ті, що склали збірку „Вітка“, пізніше написані вірші розміщені будуть в хронологічному порядку.

Порівняння текстів між різними виданнями доводить, що розходжень між ними помітних немає і тому для нас основним матеріалом буде збірка творів Ієремії Галки, видана видавництвом „Просвіта“ у Львові.

УКРАЇНСЬКІ БАЛЯДИ

1. **Перебійніс.** Про ватажка козацького Кривоноса зберегла пам'ять українська народня традиція, як про одного з найактивніших діячів Хмельниччини — пісня „Гей не дивуйте добрії люди“. Так само цікавив він і українських романтиків, виступаючи під різними іменами: Кривоніс, Лисенко, Вовгур і т. д. Особливо яскраво представлений він у незакінченому творі О. Стороженка „Марко Проклятий“. Кінець Кривоноса по цьому віршу не відповідає історичній дійсності.

2. **Дід Пасішник.** Перше видання, ст. 18-20. Цікавий вірш, як перший зразок ідеологічної поезії, що цікаво характеризує погляди Костомарова в ту добу на українське минуле. 1) Заднепровский гетман Петро Дорошенко. 2) Наказный, гетман и полковник Черниговский Павел Полуботок. (Примітка автора).

3. **Зірочка.** В 1 виданні — ст. 21-22. Мирянська байка каже: коли по жебу перекотиться зірка — єсть то денебудь дівчина віддалася. Автор.

4. **Посланець.** 1 видання — ст. 26 — 27. Мотив, що його пізніше розробив Я. Щоголів у своєму вірші „Орел“, може не без деякого впливу цього твору.

Ой летить орел під небом
 Із чужого краю;
 Пострівай же, я про сина
 У орла спитаю.
 Одвічай мені, мій орле,
 Каже йому мати:
 Із якої сторони я
 Буду сина ждати?
 Та чи й ждати, чи не ждати?
 Ждала дні і ночі;
 Не доїла, не доспала,
 Виплакала очі!
 Замахав орел крилами,
 Крикнув із під неба:
 „Мати моя, матусенько,
 Плакати не треба.
 Бились наші під турчином,
 Славу добували,
 Та й вертаються шляхами,
 Поле позаслали.
 Прибирай, стара, у хаті,
 Помолися богу,
 Та й виходь мерщій стрівати
 Сина на дорогу.
 Іде син твій перед військом
 Важний та хороший,
 І везе з собою й славу
 І багато грошей.“
 Прокричав орел під небом,
 Замахав крилами,
 Та й поплив собі тихенько
 Геть понад степами...¹⁾

5. Пан Шульпіка. 1 вид., стор. 28-30. Єсть то старосвітська вість — на Вкраїні, кажуть, був за стару годину якийсь пан Шульпіка, багато шкоди сусідам чинив, — народ злюгувався і забив його. Певно то єсть який польський пан, а діялося се за ті роки, коли Україна під ляхською кормогою страждала (Автор). Цей вірш, як і вірші „Співець“, „Дві стежки“ переклав на чеську мову Фр. Челяковський, вмістивши їх в *Casopis ceskeho Museum*, XV ročník v Praze, 1842.

6. Отруї. Видання 1, 34-35. Використано популярніший мотив української народньої балади про отруєння.

7. Кінъ. Видання 1, 37-39. Баладу взято з європейських романтичних мотивів.

ВІТКА

8. Грецька пісня. Видання 1, ст. 15-16. Клефти — верховинці грецькі, учасники повстання проти турків 1821-го року.

9. І. І. Срезневському, при од'їзді його на чужину. 1839-го року Срезневський дістав наукове відрядження за кордон для вивчення слов'янських мов. З цього приводу і написано вірша. З листів Костомарова до Срезневського, що додаються до цього тому, видно, що Костомаров сам збирався зробити подорож за кордон і умовлявся їхати разом із Срезневським, але щось стало на перешкоді до цієї подорожі.

¹⁾ Я. Щоголів. Твори. 1919. Ст. 133.

ІНШІ ТВОРИ

10. Співець Митуса. Уперше видруковано в „Основі“ за 1861-й рік, № 3. Ст. 30-31. 1) Упав Володимир Волинський року 1241. 2) Ростислав син Чернігівського князя Михайла воював кілька разів проти Данила, року 1243 з допомогою деяких галицьких князів заволодів Галичем і висланий ним Константин Рязанський за поміччю єпископа Перемишлем, але Данило поспішив з холма і відібрав Галич, а його полководець Андрій Перемишль. В боротьбі Ростислава проти Данила брали участь також угри і поляки.

11. До Мар'ї Потоцької. Видруковано уперше в „Молодику“ за 1843-й рік. Ст. 123—125. 1) Недалеко палати ханів, в Криму, зноситься могила, збудована на орієнтальну манеру з округлою банею. Тубільці оповідають, що цю могилу поставив хан Кирим Гірей для своєї бранки, християнки Марії, котру дуже любив. На тій основі написав Пушкін поему „Бахчисарайский Фонтан“, а Міцкевич сонет „Grób Potockiej“. Обидва поети представляють ту бранку полькою, Пушкін називає її княжною.

12. Ластівка. Видруковано уперше в „Малорусском Литературном Сборнике“, Саратов, 1859. Ст. 131. В році 1110 київські дружини розгромили дощенту половців над річкою Сальницею. В цьому творі цікаво інтересно для манери Костомарова повднання мотивів народньої пісні (про кохання брата та сестри) і матеріалу літописного.

13. Турнія. Видруковано уперше в „Молодику“ за 1843 рік. Ч. II. Ст. 110—113. Так само, як і „Дика коза“ являють собою переспіви із знаменитого краєдворського рукопису, фалшованого лицарського епосу в Чехії, що з'явився на початку XIX-го століття услід за не менш знаменитою поемою Макферсона в Англії. Ці обидві збірки мали великий вплив на розвиток національних літератур і підробленість їх дуже довго не була виявлена.

ЛІТЕРАТУРНА СПАДЩИНА

Вміщені тут твори взяті з книжки „Литературное наследие Н. И. Костомарова“. СПб. 1890 року.

14. Наталя. З народнього переказу. Німецький переказ, о котрім народня пісня дала Бюргерові написати свою „Ленору“, єсть і у нас, я відніс цей переказ до найсвіжішої історичної події, облоги Севастополя англійцями і французами (Автор).

15. Сава Чалий. Видруковано в Харкові 1839-го року. Цей драматичний твір написав Костомаров, як сам зазначає наперед, на основі української народньої пісні, яка міститься в збірниках Максимовича і Вацлава з Олеська та в „Запорізькій Старині“ Срезневського. Услід за цими матеріалами Костомаров односить події до року 1639, бо тоді коли він писав цю драму, себто в році 1838-му, історія Сави була йому ще незнана, і аж пізніше досліджено, що Сава Чалий жив сто літ по тому, в часи гайдамаччини. Історичний Сава Чалий був запорожцем і потомком кошового отамана Якова; він зібрав шайку гайдамаків (волохів, циган, поляків і запорожців) та, вдаючи прихильника короля Станіслава Лещинського, нападав на добро польських панів з партії саксонських. Гр. Потоцькому удалося дістати його в свої руки: він лишив йому вибір, або бути посаженим на кіл, або воювати з гайдамаками, а особливо з запорожцями. Сава став на службу до Потоцького, зівстався полковником надвірних його козаків, побивав запорожців і дістав у нагороду село на власність. Загинув від руки гайдамаків.

16. Переяславська ніч. Видруковано уперше в альманасі „Сніп“ 1841-го року. „Мені пошкодило багато — каже Костомаров у своїй автобіографії, — довір'я до таких мутних джерел, як „Історія Русов“ Кониського і „Запорозька Старина“ Срезневського; крім того, я попав у високопарність і ідеальність, яку розвив у собі під впливом Шіллера.

17. Загадка. Видруковано уперше в „Основі“ за 1862-й рік, кн. VI. З народньої казки — казку ту „про дівку семилітку“ написав Костомаров в Острогозьким повіті, Воронізької губернії, 1840-го року, а видав окремою брошурою в Петербурзі 1860-го року.

18. Українські сцени. Видруковано в „Літературном насліді“. В'їзд Хмельницького до Києва відбувся в перших днях січня, а переговори з польськими комісарами — 10 — 16-го лютого 1649-го року.

ЛИСТИ ДО І. І. СРЕЗНЕВСЬКОГО

27 листів, що їх вміщаємо до нашого видання, переходять у рукописному відділі Академії Наук СРСР, в так званій скарбниці І. І. Срезневського. За винятком двох, що їх опублікував акад. Д. І. Багалій у замітці „Костомаровські дні в Воронежі“, вони не були відомі. Листування із Срезневським наприкінці 30 і на початку 40 років має для нас великий інтерес, бо цей період у діяльності Костомарова характеризується найбільшою продуктивністю літературною. Костомаров зойно починав готуватися до історичної діяльності, всі його інтереси покищо зверталися до літератури. З листів довідуємось про перші спроби в драматичному жанрі (Сава Чалий), про цілий ряд інших літературних плянів і задумів. Взаємини між кореспондентами очевидні — спільність літературних інтересів, причому молодший Костомаров, що тількищо почав вивчати українську мову, покликається до авторитету представника старшого покоління, даючи наприклад на розгляд Срезневському коректурні відбитки „Сави Чалого“, цікавлячись його думкою з приводу різних граматичних форм в українській мові і т. д. Листи в значній частині писалися в час недовгих виїздів Костомарова з Харкова до свого маєтку Юрасівки на Вороніжчині, або і в самому Харкові, і це надає їм інтересу, як цікавим документам про харківське літературне життя, в якому обидва кореспонденти брали органічну участь. Так напр. цікава згадка Костомарова про „Літературное сборище“, на яке він запрошує Срезневського, згадує про Метлинського, Тихоновича і інших, що мали так само бути на ньому.

Не багато відомостей лишилось про літературні гуртки 40-х років, але жвава видавнича і літературна діяльність наших письменників цього часу, що брали участь в альманахах „Молодик“, „Южно-Русский Сборник“ і т. д., що спромоглися на видання збірок своїх творів (Костомаров, Метлинський), само собою змушує до припущення, що не могло тут обійтися без певних колективних заходів.

Листи Костомарова з Києва свідчать за дуже захоплення слов'янської мітологією і слов'янськими мовами, а донеде прохоплюється натяки на думки не тільки літературного характеру, на думки, в яких не важко пізнати майбутні ідеї Кирило-Методієвського братства.

Менш цікаві листи, чи власне записки, 1860 року, коли обидва кореспонденти працювали в Петербурзі і вже далеко стояли один від одного. Це офіційні записки, в яких ми не знайдемо і тіні якоїсь літературної чи ідейної спільності.

ЗМІСТ

Перші спроби романтичної драми. А Шамрай	Стор. 5
--	------------

ІЕРЕМІЯ ГАЛКА (М. КОСТОМАРОВ). ТВОРИ.

УКРАЇНСЬКІ БАЛЯДИ

Максим Перебийніс	33
Чорний кіт	34
Квіточка. (З чеського)	35
Стежки	36
Поділунок	37
Щира правда	38
Дід пасішник	40
Зірочка	41
Великодня ніч	42
Посланець	44
Пан Шульпіка	45
Співець	46
Полтавська могила	47
Отруї	47
Кінь	49
Ягоди (З чеського)	51
Рожа (З чеського)	53

ВІТКА

Пісня моя	57
Клятьба	58
Згадка	59
Могила	59
Грецька пісня	61
Соловейко	61
Хлопець	63
Місяць	64
Горлиця	65
Рожа	65
Мана	66
Кульбаба	68
Туга	70
Дідівщина	70
Голубка	72
Дівчина	73
Хмарка	75
Сон	76
Весна й зима	77
І. І. Срезневському	77

Баба Гребетничка	78
Веснянка	79
Зобачення	80
Нічна розмова	82
Підмова	83
Березка	84
Паніка ^{ильце}	84
Вулиця	85
Попріки	86
Панич і дівчина	87

ІНШІ ВІРШІ

На добра - ніч	93
Зорі	96
Співець Митуса	97
До Мар'ї Потоцької	98
Ластівка	99
Еллада	106
Давнина	107
Пантипакея	107
Турнія	111
До єврейки	113
Дика коза	115
Журба єврейська	116
Погибель Єрусалима	117
Погибель Сеннахерибова	119
Кохавсь я тобою	119
Брат з сестрою	120
Зірка	124
Олень (З Крадєворського рукопису)	125
Місяць (З Байрона)	126

З ЛІТЕРАТУРНОЇ СПАДЩИНИ

Дитинка	129
Зозуля	130
Єврейська співанка (З Байрона)	131
Явір, тополя і береза (З народнього переказу)	132
Верба (Пісня Дедемони)	133
Наталя (З народнього переказу)	134
Восени літо	138

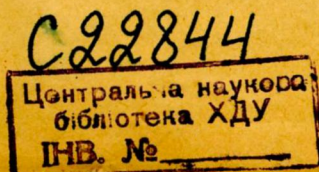
ДРАМАТИЧНІ ТВОРИ

Сава Чалий (Драматичні сцени)	141
Переяславська ніч (Трагедія)	185
Загадка (З народньої казки)	241
Українські сцени з 1649 року (З літературної спадщини)	257

ДОДАТОК	269
-------------------	-----

ЛИСТИ М. КОСТОМАРОВА ДО І. І. СРЕЗНЕВСЬКОГО	323
---	-----

ПРИМІТКИ	347
--------------------	-----

Державне Видавництво України

ВИДАЄ:

ПОЛІТИЧНУ, СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНУ,
ІСТОРИЧНО-РЕВОЛЮЦІЙНУ ЛІТЕРАТУРУ
ТВОРИ ЛЕНІНА, ЛЕНІНІЗМ
ТВОРИ КЛАСИКІВ МАРКСИЗМУ

НАУКОВІ КНИГИ

з усіх галузей знання
й мистецтва

КРАСНЕ ПИСЬМЕНСТВО

українських класиків,
сучасних українських
письменників, світову
літературу

ВІЙСЬКОВУ ЛІТЕРАТУРУ

підручники, тактичні
нарис, життя й по-
бут червоної армії
та фльоти

ТЕХНІЧНУ ЛІТЕРАТУРУ

ПІДРУЧНИКИ

для шкіл всіх типів

ЮНАЦЬКУ ЛІТЕРАТУРУ

історія юнацького
руху, життя та побут
юнацтва

ГЕОГРАФІЧНІ МАПИ

ДИТЯЧУ

вибрані твори класиків,
дитячий рух, казки.

МАСОВУ

з усіх галузей знання
та громадського життя

МУЗИЧНІ ТВОРИ

н о ш и

ПЕРІОДИЧНІ ВИДАННЯ

журнали, літературно-
художні, критичні, по-
літично-громадські,
історично-революційні,
науково-технічні, пе-
дагогічні, науково-
популярні, для хат-чита-
лень, сельбудів та лік-
непів, дитячі журнали
та газети

ВИМАГАЙТЕ КНИЖКИ ПО ВСІХ КНИГАРНЯХ ДВУ ТА КООПЕРАТИВНИХ

ПОШТОВІ ВІДДІЛИ ДЕРЖВИДАВУ

НАДСИЛЯЮТЬ НАКЛАДНОЮ ПЛАТОЮ КОЖНУ КНИЖКУ

як власного, так і всіх видавництв СРСР

ПЕРЕСИЛКА й ПАКУВАННЯ на всі замовлення КОШТОМ ДЕРЖВИДАВУ
коли замовлення більше ніж на 1 крб.

і наперед оплачується готівкою

Замовлення надсилати на такі адреси:

ХАРКІВ, вул. Першого Травня, № 17. Поштовий відділ ДВУ

КИЇВ, вул. Карла Маркса, № 33. Поштовий Відділ ДВУ

ОДЕСА, вул. Ляссала, № 33. Поштовий Відділ ДВУ

ДНІПРОПЕТРОВСЬКЕ, просп. К. Маркса, № 49. Поштовий Відділ ДВУ

Ц
2
Депт
бюл

ДНБ. №

